

ЮЛИЯ ДРУНИНА (1924-1991)

Я родом не из детства — из войны.
И потому, наверное, дороже,
Чем ты, ценю я радость тишины
И каждый новый день, что мною прожит.
Я родом не из детства — из войны.
Раз, пробираясь партизанской тропкой,
Я поняла навек, что мы должны
Быть добрыми к любой травинке робкой.
Я родом не из детства — из войны.
И, может, потому незащищённей:
Сердца фронтовиков обожжены,
А у тебя — шершавые ладони.
Я родом не из детства — из войны.
Прости меня — в том нет моей вины...

ЗИНКА

Мы легли у разбитой ели.
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей, гнилой земле.
— Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живет.
У тебя есть друзья, любимый,
У меня — лишь она одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.
Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждет...
Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Отогрелись мы еле-еле.
Вдруг приказ: «Выступить вперед!»
Снова рядом, в сырой шинели
Светлокосый солдат идет.
С каждым днем становилось горше.
Шли без митингов и знамен.
В окруженье попал под Оршей
Наш потрепанный батальон.
Зинка нас повела в атаку.
Мы пробились по черной ржи,
По воронкам и буеракам
Через смертные рубежи.
Мы не ждали посмертной славы.-
Мы хотели со славой жить.
...Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?
Ее тело своей шинелью
Укрывала я, зубы сжав...
Белорусские ветры пели

О рязанских глухих садах.
— Знаешь, Зинка, я против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Где-то, в яблочном захолустье,
Мама, мамка твоя живет.
У меня есть друзья, любимый,
У нее ты была одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом стоит весна.
И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла.
...Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала?!

САНИТАРОЧКА

Четверть роты уже скосило...
Распростёртая на снегу,
Плачет девочка от безсилья,
Задыхается: «Не могу!»

Тяжеленный попался малый,
Сил тащить его больше нет...
(Санитарочке той усталой
Восемнадцать сровнялось лет.)

Отлежишься. Обдует ветром.
Станет легче дышать чуть-чуть.
Сантиметр за сантиметром
Ты продолжишь свой крёстный путь.

Между жизнью и смертью грани —
До чего же хрупки они...
Так приди же, солдат, в сознание,
На сестрёнку хоть раз взгляни!

Если вас не найдут снаряды,
Не добьёт диверсанта нож,
Ты получишь, сестра, награду —
Человека опять спасёшь.

Он вернётся из лазарета,
Снова ты обманула смерть,
И одно лишь сознание это
Всю-то жизнь тебя будет греть.

МЕДСЕСТРА ФРОНТОВАЯ

Медсестра фронтовая,
Голубые глаза,
Гимнастёрка отглажена,
На шинели звезда.

Я сражалась за родину,

За любимых моих.
А вы знаете сколько медсестричек таких.
Мы солдат оживляли,
В бой за ними пошли,
От огня закрывали,
Как могли берегли.

ТЫ ДОЛЖНА!

Побледнев,
Стиснув зубы до хруста,
От родного окопа
Одна

Ты должна оторваться,
И бруствер
Проскочить под обстрелом
Должна.
Ты должна.

Хоть вернешься едва ли,
Хоть «Не смей!»
Повторяет комбат.
Даже танки
(Они же из стали!)

В трех шагах от окопа
Горят.
Ты должна.
Ведь нельзя притвориться

Пред собой,
Что не слышишь в ночи,
Как почти безнадежно
«Сестрица!»
Кто-то там,
Под обстрелом, кричит...

МЕДСЕСТРА

Война она — злодейка.
Уж столько лет прошло,
Но память ветеранов возвращает
Туда, в далёкое село
Девчата юные совсем – медсёстры
Спасая всех солдат от смерти на войне,
Они сражались весте с нами
За наше счастье на земле!

Медсёстры, милые медсёстры
Они как чистая вода из родника!
Такие тёплые глаза, родные,
Как будто солнце луч издалека.
Сестра поможет всем врачам,

И раненым солдатам письма написать.
И если надо медсестра всё сможет:
Утешить и в атаку взвод поднять.

Так будем помнить, всех солдат, не забывая.
И будем помнить родных и милых медсестёр.
И пусть горит в душе, всех согревая
Зажжённый вечной памятью не гаснущий костёр!

ДАВИД САМОЙЛОВ (1920-1990)

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещения похоронные
И перестуки эшелонные.

Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...

А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звездочка не уставная,
А вырезанная из банки.

Да, это я на белом свете,
Худой, веселый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.

И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И все на свете понимаю.

Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

НИКОЛАЙ СТАРШИНОВ (1924-1998)

Ракет зеленые огни
По бледным лицам полоснули.
Пониже голову пригни
И как шальной не лезь под пули.

Приказ: «Вперед!»
Команда: «Встать!»
Опять товарища бужу я.
А кто-то звал родную мать,
А кто-то вспоминал – чужую.
Когда, нарушив забытье,
Орудия заголосили,
Никто не крикнул: «За Россию!..»
А шли и гибли
За нее.
1943г.

Зловещим заревом объятый,
грохочет дымный небосвод.
Мои товарищи-солдаты
идут вперёд
за взводом взвод.

Идут, подтянуты и строги,
идут, скупые на слова.
А по обочинам дороги
шумит листва,
шуршит трава.

И от ромашек-тонконожек
мы оторвать не можем глаз.
Для нас,
для нас они, быть может,
цветут сейчас
в последний раз.

И вдруг (неведомо откуда
попал сюда зачем и как)
в грязи дорожной -
просто чудо! -
пятак.

Из желтоватого металла,
он, как сазанья чешуя
горит,
и только обметало
зелёной окисью края.

А вот рубли в траве примятой!
А вот еще... И вот, и вот...
Мои товарищи-солдаты
идут вперёд
за взводом взвод.

Всё жарче вспышки полыхают.
Всё тяжелее пушки бьют...
Здесь ничего не покупают.
И ничего не продают.

1941

НИКОЛАЙ ФЁДОРОВИЧ ДМИТРИЕВ (1953-2005) поэт, ученик Николая Старшинова

* * *

В пятидесятых рождены,
Войны не знали мы, и всё же
Я понимаю: все мы тоже
Вернувшиеся с той войны.

Летела пуля, знала дело,
Летела тридцать лет назад
Вот в этот день, вот в это тело,
Вот в это солнце, в этот сад.

С отцом я вместе выполз, выжил,
А то в каких бы жил мирах,
Когда бы снайпер папу выждал
В чехословацких клеверах?!

* * *

Тихо кружится звездная сфера,
Светит млечная пыль на сосне.
«Разворачивай пушку, холера!» —
Это батька воюет во сне,

На земле, под разрывами шаткой,
Обругав по-российски ребят,
Он в последнюю сорокапятку
Досылает последний снаряд.

На полу мои ноги босые —
Вот бы мне в этот сон, в этот бой!
Вдруг все это отец не осилит,
Не вернется оттуда живой?!

**ЮРИЙ ПОЛИКАРПОВИЧ КУЗНЕЦОВ (1941-2003),
в 2026г 11 февраля исполняется 85 лет со дня рождения**

ЗНАМЯ С КУЛИКОВА

Сажусь на коня вороного —
Проносится тысяча лет.
Копыт не догонят подковы,
Луна не настигнет рассвет.

Сокрыты святыя обеты
Земным и небесным холмом.
Но рваное знамя победы
Я вынес на теле моём.

Я вынес пути и печали,
Чтоб поздние дети могли
Латать им великие дали
И дыры российской земли.

Шёл отец, шёл отец невредим
Через минное поле.
Превратился в клубящийся дым —
Ни могилы, ни боли.

Мама, мама, война не вернёт...
Не гляди на дорогу.
Столб крутящейся пыли идёт
Через поле к порогу.

Словно машет из пыли рука,
Светят очи живые.
Шевелятся открытки на дне сундука —
Фронтовые.

Всякий раз, когда мать его ждёт, —
Через поле и пашню
Столб клубящейся пыли бредёт,
Одинокий и страшный

Призыв

Туман остался от России
Да грай вороний от Москвы.
Еще покамест мы живые,
Но мы последние, увы!
Шагнули в бездну мы с порога
И очутились на войне.
И услышали голос Бога:
— Ко Мне, последние! Ко Мне!

1998

«Атомная сказка»

Эту сказку счастливую слышал
Я уже на теперешний лад,
Как Иванушка во поле вышел
И стрелу запустил наугад.

Он пошел в направление полета
По серебристому следу судьбы.
И попал он к лягушке в болото,
За три моря от отчей избы.

– Пригодится на правое дело! –
Положил он лягушку в платок.
Вскрыл ей белое царское тело
И пустил электрический ток.

В долгих муках она умирала,
В каждой жилке стучали века.
И улыбка познания играла
На счастливом лице дурака.

«Раздумье» (1967):

Тихий край. Невысокое солнце.
За околицей небо и даль.
Столько лет простоял у колодца
В деревянном раздумье журавль.

А живые – над ним пролетали
И прощально кричали вдали.
Он смотрел в журавлиные дали
И ведро волочил до земли.

Но когда почерневшую воду
Тронул лист на немой заре,
Он рванулся и скрылся из виду
И... зацвел на далекой земле.

Ослепленный алмазною пылью,
Он ветвями на север растет.
Ему рубят широкие крылья
И швыряют в дорожный костер.

А когда журавлиная стая
На родимую землю летит,
Он холодные листья роняет
И колодезным скрипом скрипит.

Последняя ночь

Я погиб, хотя еще не умер,
Мне приснились сны моих врагов.
Я увидел их и обезумел
В ночь перед окончанием веков.
Верно, мне позволил Бог увидеть,
Как умеют предавать свои,
Как чужие могут ненавидеть
В ночь перед сожжением любви.
Жизнь прошла, но я еще не умер.
Слава – дым иль мара на пути.
Я увидел дым и обезумел:
Мне его не удержать в горсти!
Я увидел сны врагов природы,
А не только сны моих врагов.
Мне приснилась ненависть свободы
В ночь перед окончанием веков.
Я услышал, как шумят чужие,
А не только говорят свои.
Я услышал, как молчит Россия
В ночь перед сожжением любви.
Вот уже пылает хата с краю,
Вон бегут все крысы бытия!
Я погиб, хотя за край хватаю:
– Господи! А Родина моя?!
1993

Кубанка

Клубится пыль через долину.
Скачи, скачи, мой верный конь.
Я разгоню тоску-кручину,
Летя из полымя в огонь.

Гроза гремела спозаранку.
А пули били наповал.
Я обронил свою кубанку,
Когда Кубань переплывал.

Не жаль кубанки знаменитой,
Не жаль подкладки голубой,
А жаль молитвы, в ней зашитой
Рукою матери родной.

Кубань кубанку заломила,
Через подкладку протекла,
Нашла молитву и размыла,
И в сине море повлекла.

Не жаль кубанки знаменитой,
Не жаль подкладки голубой,

А жаль молитвы позабытой,
Молитвы родины святой.

Клубится пыль через долину.
Скачи, скачи, мой верный конь.
Я разгоню тоску-кручину,
Летя из полымя в огонь.

1996

Гимнастёрка

Солдат оставил тишине
Жену и малого ребёнка,
И отличился на войне...
Как известила похоронка.

Зачем напрасные слова
И утешение пустое?
Она вдова, она вдова...
Отдайте женщине земное!

И командиры на войне
Такие письма получали:
«Хоть что-нибудь верните мне...» –
И гимнастёрку ей прислали.

Она вдыхала дым живой,
К угрюмым складкам прижималась,
Она опять была женой.
Как часто это повторялось!

Годами снился этот дым,
Она дышала этим дымом –
И ядовитым и родным,
Уже почти неуловимым.

... Хозяйка юная вошла.
Пока старуха вспоминала,
Углы от пыли обмела
И – гимнастёрку постирала.

1974

НИКОЛАЙ РУБЦОВ (1936-1971)

Мать умерла.
Отец ушел на фронт.
Соседка злая
Не дает проходу.
Я смутно помню
Утро похорон
И за окошком
Скудную природу.

Откуда только —
Как из-под земли! —
Взялись в жилье
И сумерки, и сырость...
Но вот однажды
Все переменилось,
За мной пришли,
Куда-то повезли.
Я смутно помню
Позднюю реку,
Огни на ней,
И скрип, и плеск парома,
И крик «Скорей!»,
Потом раскаты грома
И дождь... Потом
Детдом на берегу.
Вот говорят,
Что скуден был паек,
Что были ночи
С холодом, с тоскою, —
Я лучше помню
Ивы над рекою
И запоздалый
В поле огонек.
До слез теперь
Любимые места!
И там, в глуши,
Под крышею детдома
Для нас звучало,
Как-то незнакомо,
Нас оскорбляло
Слово «сирота».
Хотя старушки
Местных деревень
И впрямь на нас
Так жалобно глядели,
Как на сирот несчастных,
В самом деле,
Но время шло,
И приближался день,
Когда раздался
Праведный салют,
Когда прошла
Военная морока,
И нам подъем
Объявлен был до срока,
И все кричали:
— Гитлеру капут!
Еще прошло
Немного быстрых лет,
И стало грустно вновь:
Мы уезжали!
Тогда нас всей
Деревней провожали,
Туман покрыл
Разлуки нашей след...

ВИДЕНИЯ НА ХОЛМЕ

Взбегу на холм и упаду в траву.
И древностью повеет вдруг из дола!
Засвищут стрелы будто наяву,
Блеснет в Глаза кривым ножом монгола!
Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг в крови и жемчугах
Тупой башмак скуластого Батыя...

Россия, Русь-
Куда я ни взгляну!
За все твои старания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избышки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в твои леса и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы,
Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов в окрестностях России.

Кресты, кресты...
Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они- и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной - бессмертных звезд Руси
Спокойных звезд безбрежное мерцанье...

1960-1964

БЕРЕЗЫ

Я люблю, когда шумят березы,
Когда листья падают с берез.
Слушаю - и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез.

Все очнется в памяти невольно,
Отзовется в сердце и в крови.
Станет как-то радостно и больно,
Будто кто-то шепчет о любви.

Только чаще побеждает проза,

Словно дунет ветер хмурых дней.
Ведь шумит такая же береза
Над могилой матери моей.

На войне отца убила пуля,
А у нас в деревне у оград
С ветром и с дождем шумел, как улей,
Вот такой же желтый листопад...

Русь моя, люблю твои березы!
С первых лет я с ними жил и рос.
Потому и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез...

1957

ФЕРАПОНТОВО

В потемневших лучах горизонта
Я смотрел на окрестности те,
Где узрела душа Ферапонта
Что-то божье в земной красоте.
И однажды возникло из грёзы,
Из молящейся этой души,
Как трава, как вода, как берёзы,
Диво дивное в русской глуши!
И небесно-земной Дионисий,
Из соседних явившись земель,
Это дивное диво возвысил
До черты, небывалой досель...
Неподвижно стояли деревья,
И ромашки белели во мгле,
И казалась мне эта деревня
Чем-то самым святым на земле...

ВЫПАЛ СНЕГ...

Выпал снег - и всё забылось,
Чем душа была полна!
Сердце проще вдруг забилося,
Словно выпил я вина.

Вдоль по улице по узкой,
Чистый мчится ветерок,
Красотою древнерусской
Обновился городок.

Снег летит на храм Софии
На детей, а их не счесть.
Снег летит по всей России,
Словно радостная весть.

Снег летит - гляди и слушай!
Так вот, просто и хитро,
Жизнь порой врачует душу...
Ну и ладно! И добро.

Привет, Россия

Привет, Россия — родина моя!
Как под твоей мне радостно листвою!
И пенья нет, но ясно слышу я
Незримых певчих пенье хоровое...
Как будто ветер гнал меня по ней,
По всей земле — по селам и столицам!
Я сильный был, но ветер был сильнее,
И я нигде не мог остановиться.
Привет, Россия — родина моя!
Сильнее бурь, сильнее всякой воли
Любовь к твоим овинам у жнивья,
Любовь к тебе, изба в лазурном поле.
За все хоромы я не отдаю
Свой низкий дом с крапивою под оконцем.
Как миротворно в горницу мою
По вечерам закатывалось солнце!
Как весь простор, небесный и земной,
Дышал в оконце счастьем и покоем,
И достославной веял стариной,
И ликовал под ливнями и зноем!..
1960 г.

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ (1910-1971)

Василий Теркин – вся поэма

1. От автора

На войне, в пыли походной,
В летний зной и в холода,
Лучше нет простой, природной
Из колодца, из пруда,
Из трубы водопроводной,
Из копытного следа,
Из реки, какой угодной,
Из ручья, из-под льда, -
Лучше нет воды холодной,
Лишь вода была б — вода.
На войне, в быту суровом,
В трудной жизни боевой,
На снегу, под хвойным кровом,
На стоянке полевой, -
Лучше нет простой, здоровой,
Доброй пищи фронтовой.
Важно только, чтобы повар
Был бы повар — парень свой;
Чтобы числился недаром,
Чтоб подчас не спал ночей, -
Лишь была б она с наваром
Да была бы с пылу, с жару —
Подобрей, погорячей;
Чтоб идти в любую драку,
Силу чувствуя в плечах,
Бодрость чувствуя.
Однако
Дело тут не только в щах.

Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой.
Не прожить, как без махорки,
От бомбежки до другой
Без хорошей поговорки
Или присказки какой, -
Без тебя, Василий Теркин,
Вася Теркин — мой герой.
А всего иного пуще
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу быющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.
Что ж еще?... И все, пожалуй.
Словом, книга про бойца
Без начала, без конца.
Почему так — без начала?
Потому, что сроку мало
Начинать ее сначала.
Почему же без конца?
Просто жалко молодца.
С первых дней години горькой,
В тяжкий час земли родной
Не шутя, Василий Теркин,
Подружились мы с тобой,
Я забыть того не вправе,
Чем твоей обязан славе,
Чем и где помог ты мне.
Делу время, час забаве,
Дорог Теркин на войне.
Как же вдруг тебя покину?
Старой дружбы верен счет.
Словом, книгу с середины
И начнем. А там пойдет.